Александр Адабашьян: «Ломая, знай, что построишь»

Сценарист, художник, актер, а теперь и кинорежиссер Александр Адабашьян гость третьей полосы? Именно так. Ведь разговор не только о нашем кино, о бегстве, или, если хотите, об утечке лучших киноумов на Запад, о жизни вдали от дома, о поисках истины в пору болезненного исторического перелома.

Городок Кампер в Бретани, восьмой Международный кинофестиваль со множеством советских лент. «Мадо, до востребования» — режиссерский дебют А. Адабашьяна. Неделя из жизни деревенской девушки-почтальона, ищущей себя, жаждущей понимания, любви. Добрый, трогательный фильм — однако не советский. В титрах картины, снятой во Франции, значится компания «Барнабо фильм».

— Саша, но вы же не уехали?

— Я — нет. Просто мне дали возможность сделать картину во Франции. Воспользовался с радостью. Ехать вика куда не собираюсь, у меня дома дети растут. И друзья в Москве. Есть люди, которых я тут, в Париже, зову «ами» — в переводе «друг». Но здесь это немножко другой оттенок. Ну, приятель — милый, умный, симпатичный. Предполагаю, будто между нами установится дружба такого же ранга, как с соотечественником-москвичом? Не думаю. Потому что не могу превратиться во француза.

— По-моему, идет какой-то постоянный отток. Встречаешь знакомого по Москве, и вдруг выясняется — живет в Нью-Йорке, Париже, где угодно. Выехал временно, или трудится у иностранного нанятого по контракту, или эмигрировал навсегда. И народа вычего, серого среди не знаю какой по счету волны мало. Происходит нечто вроде естественного отбора.

— Отбор — противоестественный, как неестественна, ненормальная ситуация у нас в стране. Что убивает советского человека, сюда приезжающего? Магазины, быт, уровень жизни. Немыслимо трудная у нас покупка мебели, машины — здесь вопрос вашего вкуса и количества денег. И только тут понимаешь — так и должно быть. То, как мы живем, — вот этого быть не должно. Но утечка не потому, что в Венах и Риме вкуснее есть и мягче спать. Хотя тоже фактор впечатляющий. Личностей творческих у нас добывает отношение к труду. Написешь сценарий, приносишь и:

«Оставьте, через неделю прочитаем». А через неделю: «Еще не прочли. Позвоните на днях». А на днях: «У нас не осталось экземпляра? Куда-то положили, затеряли...» И, понимаете, постепенно привакаешь. Вроде бы тебе все время делают одолжение: разрешают писать, играть, снимать. И вообще за все скажешь большое спасибо. Угнетает!

В Италии я работал над сценарием. Поселили в апартаментах. Спускаюсь утром в магазин за бумагой, карандашами. Продюсер смотрит, будто на сумасшедшего: «Зачем? Позвоните — что нужно принесем, привезем, пришлем. А вы — работайте». Не будет такого в СССР, и утечка, возможно, ускорится.

— И актеров?

— Актерам сложнее по причине языка. А те, кто с ним не связан, обратите внимание, как потекли: певцы, музыканты, артисты балета, спортсмены.

— Таланты, Россиян возвращают, свою страну покидают. Наступит ли просвет?

— Наверное. Не уверяю, как все у нас произойдет окрестить: перестройкой, революцией, распадом? Но на том переломе, на котором находимся, подстерегла самая большая беда: вет позитив-

ной, креативной идеи. Сплошные «нет». На каждое «да» оно обязательно отыщется. Нужно развалить командно-административную систему! Ликвидировать партократию, задумать бюрократию! Покончить с существующей экономикой! Деструктивные силы по-настоящему мощные. Слежу по телевизору за съездами, читаю газеты, журналы — и такой страшный, черный поток разоблачений, вскрытия мерзких язов. Наверняка это необходимо. Но ведь нет позитивного, вокруг чего все вертелось бы или начало вертеться. Решим мы, наконец, что будем создавать? Во что верить? В былые годы разваливали церкви. Но когда ломались нечто, имея в голове, что ты хочешь построить взамен. И в те времена вроде бы взамен одной веры дали другую — веру, придет светлое будущее. Определенный этап на этой идеологии продержались. Теперь объявлено: светлого будущего в обозримое десятилетие не ждать. Коммунизм, как видите, к 80-му не получили. Но что, что взамен? Я не знаю. И совсем уж не знаю этого молодое. Они постигли свою истину: прежнее поколение хуже нынешнего.

— Попробуй наша интеллигенция выполнять свою всегдашнюю роль, отводимую ей русской историей, и, быть может, сегодняшних хаоса, неразберихи, озлобленности мы бы избежали. Выступала же она милосердным врачевателем, теплым посредником. Ныне претендентов на такую миссию не имеется. Наоборот — писательские распри, масло в огонь.

— Эту систему борьбы в литературе не могу понять, как и в кино. Сейчас у нас тоже принимаются за срывание масок: Вондарчук погубил Тарковского, позор кино Германа. Не нравится Вондарчук, Герман — снимайте лучше. Националистическая идея сама по себе разрушительна. Нет в ней созидательности. Я член Союзов художников — заканчивал Строгановку — и кинематографистов. Однако в их революционной деятельности не участвую. Не то, что не поддерживаю, — я не вижу, что поддерживать. Против чего они, мне понятно: этих грома и тех долой. Появится какой-то человек, в руках у которого будет плакатик не «Все вместе против...», а «Вперед — за...», и я пойду за ним.

— Сейчас не лучшее десятилетие для творцов?

— Тяжелое. Боюсь, хороших, актуальных картин долго не будет.

— Долго — это сколько?

— Актуальных — лет десять. Нужно определенное время, чтоб отойти, успокоиться. Ничего серьезного одними страстями не делается. Требуется хладнокровие. Потому, например, не рассчитываю на появление шедевров о сталинской эпохе. К ней у нашего поколения личностное отношение. Найдется ли семья, которую б сталинщина не задела? Толстой написал о войне 1812 года десятки и десятки лет спустя, лучшие произведения о второй мировой пишутся сегодня.

— Вы настроиваетесь на ожидание? Но разве наш кинематограф не совершил заметного скачка?

— Как раз его-то и не видно. Те же коллеги-французы, с которыми беседую, открываются: от вашей революции на V съезде кинематографистов ждали много. Не риску сравнить сегодняшние достижения с вершинами советского кино, такими, как «Летят журавли».

— Лет семь назад по Москве бродила наша шутка. Половину всей кинопродукции можно было бы отнять в двух раз и навсегда построенных павильонах. В одном — «Землянке» — сидит Олялин,

в другом — «Кабинете секретаря обкома» — пребывает Матвеев. Сегодня в эти стационары нашему кино не втиснуться.

— Я бы добавил немного. «Зону» — в ней наготове актеры с небритыми физиономиями. Дальше обязательно кабинет Сталина. Кооперативное кафе с ракетными и холл отеля с проститутками. Ну, можно еще «квартиру Сергея» и финскую баню с голыми девушками и пьяным секретарем райкома.

— Чрезвычайного оптимизма в ваших оценках я не заметил. Считается, что кинематограф эпохи перестройки открыл множество молодых имен.

— Открыл. Правда, юные входят в кино на цыпочках.

— Вы сняли картину за два месяца?

— Это здесь обычный срок.

— Все же поздравляю с наградой. Для молоденькой и очень необычной французской актрисы Марианны Гров — «Мадо» тоже дебют. И сразу приз фестиваля в Кампере. Пусть от любительского жюри, зато за воплощение главной женской роли, приглашение фильма в программу «Перспектива» Каннского фестиваля.

— Талантливая артистка. И человек талантливый. Хотелось, чтоб фильм пошел, и ей повезло.

— У нас картину увидят?

— Кажется, начались переговоры.

— Актерам, помимо прочего, требуется и толка везения, но режиссерам, драматургам на нем в кино долго не продержаться.

— Нужен уровень. Иногда нет времени на придумывание, сам чувствуешь — получишь так себе, а в голову лезет: другие даже до этого не дошли, и ничего. Допустись послабление, начнешь пропускать, не фильтру, — очень быстро скатиться.

— И за что собираетесь взяться сейчас — за киносценарии, режиссуру?

— Готовлю себя к сложной и продолжительной работе над сценарием, видимо, многосерийного фильма. Тема — жизнь двух сестер. Одна осталась после революции в России, другая — эмигрировала. В чем-то схоже с судьбой княжеского рода Гагаринных.

— Саша, я хотел бы прощание позволить себе некую вольность, вопрос деликатного свойства. Творческое имя вам дала работа в группе Никиты Михалкова. Но и вы дали маленькой этой кинокомпании весьма и весьма немало. А теперь, когда группа распалась, поползли, покатались служ...

— Это все ложь, будто я снимал, а Никита в это время бегал по инстанциям. Или, хотите помогать, легенда. Я был сценаристом, художником. Вся ответственность была на нем. Можно давать советы, находясь вдали от камеры. Но даешь ты их тому, кто единственный должен принять верное и окончательное решение. За выбор несет ответственность он, и только он. А это уже совсем иная атмосфера и температура. Вся наша группа в 10—12 человек до сих пор живет в кино капиталом, нажитым этими михалковскими фильмами. Возможно, то были лучшие годы жизни. Но все проходит.

— И содружества, простите за пышность, никак не возродить?

— Не знаю... Пожалуй, нет. Впрочем, не знаю. Видите, я, как все, по поступкам — один «нет», а надежды — все «да». Так и живем.

Беседа вел
Н. ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш соб. корр.).
Кампер — Париж.